(Флэшбэк)

Обычно, когда привлекательная женщина сидит на тебе, это очень приятный опыт. Смуглокожий мужчина с бородой и налитыми кровью глазами, похоже, тоже так думал, развратно ухмыляясь при виде женщины, сидящей у него на груди.

Он прошептал ей несколько слов на иностранном языке, но единственным ответом ему был дымящийся конец ствола пистолета.

БАМ

В воздухе раздался пистолетный выстрел. Голова мужчины упала назад, приземлившись на гладкую простыню, из единственного отверстия в середине лба стекала кровавая дорожка. Женщина, сидевшая на его груди, соскочила с него, с отвращением глядя на гениталии мужчины, все еще свободно свисавшие из-под шелкового халата.

"Агент Ворчестер. Докладываю о завершении".

Женщина была в плохом настроении.

Ее отправили на задание по убийству ее цели, военачальника-террориста, а в итоге ей пришлось соблазнять его. Даже если бы она была агентом мирового класса, даже она не смогла бы убежать от десятков крыс, разбросанных по убежищу.

Она не была чужда тактике соблазнения, используя ее в большом количестве, чтобы собрать компромат на политических лидеров по всему миру. К сожалению, презерватив, который она приготовила, чтобы предотвратить контакт отвратительного члена мужчины с ней, оказался слишком большим. Она переоценила размеры военачальника, и презерватив не выдержал половины пути. Быстро надевая одежду, она проклинала военачальника и его член.

'Как, блядь, он так много кончил?'

пробормотала она про себя, все еще находясь в шоке от того, как плохо все прошло для нее. Не то чтобы миссия была провалена, но теперь ей пришлось рисковать возможной беременностью. Всем было известно, что беременность сродни пересадке за парту. Она быстро прикрылась, слегка коснулась области вокруг матки, немного надавив на нее, как будто хотела выдавить из нее сперму.

Пока она возилась, она многозадачно рыскала по комнате мертвеца в поисках конкретного файла, который ей велели принести. В обычных условиях она не ожидала, что ей удастся так легко проникнуть на объект, но, похоже, у этого военачальника был фетиш на светловолосых западных женщин.

Ей пришлось действовать быстро, быстро перелистывая бумаги и папки, разбросанные на одном из столов. Все должно быть на виду, ведь эту комнату держал сам военачальник, и у него не было причин искусно прятать нужные ему вещи.

Она уже слышала шаги нескольких ног по полу, несомненно, разбуженные выстрелом. Она провела рукой по жесткому диску и взяла его, не заботясь о том, тот ли это диск или нет.

Она выпрыгнула из окна, разбив стекло, как раз в тот момент, когда дверь была выбита, и несколько мужчин в спальных костюмах и с винтовками ворвались в дом, крича на иностранных языках. Они выругались, глядя, как женщина бесшумно опустилась на землю и бросилась бежать, передав по рации охранникам на этаже, чтобы те шли за ней.

Пока она бежала, она услышала характерный звук лопастей вертолета, возвещающий о прибытии воздушного транспорта. Она вздохнула с облегчением, взяла в одну из рук длинную веревочную лестницу и взобралась по ней грациозно, как кошка.

На борту самолета она обнаружила своего начальника, который сидел с биноклем ночного видения и разглядывал большую виллу, служившую базой террористов. Это был пожилой мужчина с седыми волосами, одетый в костюм-тройку даже в знойную жару восточной ночи. Он говорил хрипловатым голосом, не отрывая глаз от бинокля. "Жесткий диск?"

Она достала его из своей ладони и протянула ему. Мужчина снова заговорил. "От вас воняет".

Женщина нахмурилась. В хаосе побега она совсем забыла об этом! Гнев начал заполнять ее голову, и она начала дрожать. Заметив это, мужчина оторвал взгляд от бинокля и положил руку ей на плечо, выведя ее из транса.

"Иди домой и вымойся. Ты уже знаешь протокол, но я все равно постараюсь замолвить за тебя словечко в совете".

Она кивнула. Как и ожидалось, ей предстояло пройти проверку комиссии и получить несомненный запрос на перевод.

Остаток пути на вертолете до базы прошел в молчании, мужчина перелистывал несколько папок и вычеркивал что-то красной ручкой. Женщина просто молча смотрела в окно.

бессрочный отпуск от полевых операций.

Ее интуиция оказалась права, и совет решил, что ее беременность повлияет на успешность ее

дальнейших миссий. После шести недель ожидания результатов совещания врачи агентства обследовали ее тело и подтвердили подозрения, что она беременна.

На заседании совета директоров она затронула вопрос о возможности аборта, на что совет сказал, что это не изменит окончательного решения. Она была озадачена таким решением, поскольку разве вся причина ее увольнения не была связана с осложнениями беременности? Она была достаточно умна, чтобы понять, что, возможно, ее быстрый успех был результатом зависти и политических игр этого мира.

Теперь, подтвердив свою беременность, женщина снова прокляла дрянной презерватив и военачальника, задаваясь вопросом, могло ли все быть иначе, если бы она не совершила эту ошибку. Даже если бы она не смогла вернуться в строй, она все равно хотела сделать аборт. Мысль о том, чтобы выносить ребенка от этого... мужчины, была абсолютно отвратительной.

В течение первых нескольких месяцев она неоднократно записывалась на аборт. Однако она всегда каким-то образом пропускала назначенное время. Будь то пробки, недосыпание или срочное сообщение, на которое нужно было ответить, что-то всегда мешало ей выполнить назначение. Казалось, что сам Бог вмешивается, чтобы помешать ей избавиться от ребенка.

Казалось, ей было суждено родить ребенка.

Тем не менее, она продолжала записываться на приемы и не выполняла их. Так продолжалось в течение четырех месяцев. Ближе всего к тому, чтобы сделать аборт, она переступила порог клиники, но в этот момент произошло отключение электричества.

Несмотря на все трудности, она по-прежнему была категорически против того, чтобы оставить ребенка. В течение нескольких месяцев она начала экспериментировать с "домашними методами" аборта. Хотя она не испытывала дискомфорта от убийства, просто было странно протыкать живот острыми инструментами или пить слегка ядовитые отвары. Благодаря своей подготовке в агентстве она могла справиться с болью, но ей казалось, что ребенок внутри нее кричит каждый раз, когда она пытается от него избавиться.

Но семя было посеяно, крошечное сомнение в ее голове о том, что, возможно, было бы неплохо просто родить ребенка.

Шел четвертый месяц.

Она делала упражнения йоги, не заботясь о том, повлияет это на ребенка или нет. На самом деле, она даже надеялась, что это произойдет. Она была в прекрасном настроении, назначив очередной аборт, убрав все дела и сообщив своему новому начальству, что не сможет связаться

с ним в течение следующей недели.

Она весело напевала, чего раньше никогда не делала. За последние несколько месяцев она открыла для себя то, что давно похоронила. Например, эмоции.

Она поняла, что даже если она удвоит время на тренировки, это все равно оставит огромный кусок в ее жизни. Используя интернет, она быстро нашла несколько способов скоротать время.

Так появилась жесткая йога, которой она занималась в 9 утра. По мере развития беременности ее живот все больше выпячивался. Несмотря на все ее попытки, ребенок, казалось, продолжал расти и расти внутри нее, игнорируя все, что на него направлено, как броня.

Она сидела в позе "нисходящая собака", когда вдруг почувствовала движение внутри себя. Ей показалось, что у нее начались судороги, и она подумала, не потому ли это, что она еще ничего не ела. Она уже собиралась поесть, когда снова почувствовала движение. Она положила руку на живот и почувствовала, как он слегка вздрагивает.

Она была не настолько глупа, чтобы не знать, что это такое.

Проведя множество исследований о том, как остановить беременность, она узнала много нового о самой стадии беременности. Почувствовав, как ее ребенок пинается внутри нее, она наконец поняла, что действительно носит в себе живое существо.

Она начала бессознательно поглаживать свой живот, ее сознание впервые ускользнуло от ее прошлого, наполненного кровью. В ее сознании промелькнул образ. Вместо океанов красного цвета и дразнящих лиц умерших она увидела яркий мир, полный детских попок, пеленок и пустышек.

Ее глаза бессознательно начали слезиться, когда она вспомнила, как отчаянно пыталась избавиться от своего ребенка.

Она решила отменить встречу, а также полностью уволиться из агентства. Она сдала свое письмо и шла с гордостью, не скрывая растущего живота. После столь долгого отсутствия, когда она пришла с явными признаками беременности, многие ее коллеги-агенты, особенно мужчины, были подавлены.

Ее директор вздохнул, предвидя это письмо, но отпустил ее. Однако он порекомендовал ей новую должность на будущее, если она захочет иметь стабильный доход. Она должна была возглавить комитет по созданию новой тюрьмы, предназначенной для женщин. Она поблагодарила его, пообещав рассмотреть этот вопрос в другой раз.

Когда она уходила, директор откинулся в кресле, заложив морщинистые руки за голову. Подумать только, ей еще не исполнилось и тридцати, а она уже подала в отставку. Это было очень жаль...

Он думал о впечатляющей карьере Джулии Ворчестер, которую она сделала менее чем за десять лет. Она сделала себе имя как агент номер один в стране. Ее история была полна дыма и вопросов, но агентство не могло не восхищаться ее преданностью работе. К сожалению, ее слава росла слишком быстро, привлекая внимание нескольких высокопоставленных лиц. Некоторые из этих мужчин хотели попробовать ее на вкус, попробовать вкус самой боязливой женщины в мире. Джулия не собиралась удовлетворять их похоть и оставила их в подвешенном состоянии, сознательно нажив себе врагов среди большинства политиков.

Возможно, если бы она не была так невосприимчива к их ухаживаниям, она все еще могла бы работать в поле. Хотя сейчас она сидела за письменным столом, директор не мог не задаться вопросом, почему она уволилась. Это был стабильный доход с небольшим количеством рабочих часов, который идеально подошел бы для матери-одиночки. У него были и другие планы по ее интеграции в планы правительства, но все они, казалось, исчезли после того, как она сдала это письмо.

Впрочем, это не имеет значения, подумал директор. Скоро они загонят ее в угол, и у нее не останется другого выбора, кроме как присоединиться к ним. На лице директора появилась зловещая улыбка, когда он щелкнул пером.

Время шло, и Джулия начала пробуждать в себе нечто такое, чего она никогда не ожидала. Материнский инстинкт? Она начала менять свои наряды, переходя от облегающих костюмов к более повседневной и мешковатой одежде. Она также переехала из многоэтажки в более доступное жилье в захудалом районе.

Для нормальных женщин жить здесь одной было бы приглашением к озорству, но после того, как она показала пример тому, кто пытался к ней приставать, все остальные жители улицы отступали, когда видели ее.

Через девять месяцев после той роковой ночи у нее начались схватки, спина выгнулась дугой, и она стиснула зубы. Она не кричала, эта боль была мучительной, но ее готовили к подобным вещам с подросткового возраста! Медсестра, удивленная терпимостью этой женщины к боли, тем не менее, держала ее за руку, морщась от страшной хватки.

Океаны пота, казалось, капали с нее, когда она тяжело дышала, медленно чувствуя, как ребенок выталкивается наружу. Она почти потеряла сознание от сильной боли и вздохнула с облегчением, когда почувствовала, что боль прекратилась.

"Все закончилось", - взволнованно сказала медсестра. Другая медсестра держала что-то в руках, слегка покачивая его. Она повернулась, чтобы уйти, но Джулия слабо вскрикнула. "Нет! Не забирайте его!"

Медсестра, стоявшая рядом с ней, успокоила ее, сказав, что это всего лишь плановый осмотр. Джулия была слишком измучена, чтобы бороться, и просто устало опустилась на кровать. Она не думала, что уже настолько привязалась к нему! Она еще даже не видела ребенка, только увидела темную вспышку, когда его быстро вынесли из палаты.

Она повернула голову, чтобы посмотреть на часы, медленно идущие по стене, и только тогда пошевелилась, когда услышала звук захлопывающейся двери. Медсестра вернулась, все еще держа в руках маленький сверток.

Джулия села, протягивая уставшие руки к свертку. Лицо ребенка было слегка прикрыто одеялом, и когда она перевернула его, то чуть не заплакала.

Вопреки ее ожиданиям, ребенок не спал. Он смотрел прямо на нее, его крошечные глазки светились невинностью. Она тут же подхватила ребенка и обняла его, желая окутать теплом.

Она расстроилась, удивляясь, как она вообще решилась на аборт своего ребенка. Как она могла быть такой бессердечной по отношению к своей собственной плоти и крови? Не имело значения, что он появился на свет по ошибке. Ее ледяное сердце растаяло. Впервые в жизни она нашла причину своего существования. Кошмары ее прошлого словно смыло перед лицом этого ангельского существования, и она яростно прижалась к его крошечному телу, не смея позволить всему миру встать между ними.

В тот день она поклялась всегда любить его и не позволять ни одному его волоску причинить вред.

Пока она чувствовала, как его дрожащее тело дышит и привыкает к этому странному миру, холодный взгляд пронесся по глазам Джулии. Она подумала о жестоком мире, который оставила позади, и поклялась никогда не позволять ему влиять на его жизнь.

По мере того как Саймон рос, росла и жестокость любви его матери. Она была самой заботливой и опекающей матерью, которую он когда-либо мог иметь. Она никогда не выпускала его из поля зрения и почти весь день смотрела на него, пока он дремал или ползал. Ее настроение стало зависеть от него.

Для человека, известного среди ее бывших коллег как "ледяная королева", мысль о том, что она так тепло улыбается, заботясь о Саймоне, заставила бы их всех упасть от шока.

Даже отпустить Саймона в школу было для Джулии непростой задачей. Когда он входил в здание школы, у нее замирало сердце, а на лице появлялось мрачное выражение. Она была настолько одержима своим сыном, что даже не обращала внимания на похотливые взгляды, которые иногда бросали на нее другие родители.

Время, проведенное с Саймоном, постепенно сокращалось, и она презирала его. Она кусала ногти, думая, как сильно он возненавидит ее, если она станет добровольцем на всех днях искусств или экскурсиях, которые, как она слышала, проводят дети. Может быть, ей даже стоит устроиться в школу и стать учителем?

Впервые Саймон осознал неестественность действий своей матери, когда был в детском саду. Они оба одновременно пользовались ванной, что было для них обычным делом, поскольку это позволяло экономить воду.

Без работы в агентстве Джулия практически превратилась в домохозяйку. Они жили на ее сбережения, и хотя они не были богаты, этого было достаточно, чтобы жить безбедно. Тем не менее, Джулия старалась экономить как можно больше денег, что означало, что они делали такие вещи, как совместный душ.

Он был неестественно подавлен, и Джулия легко уловила это, поглаживая его гладкие волосы и спрашивая, в чем дело. Он немного поморщился, прежде чем открыться. "Бен сегодня смеялся надо мной. Он назвал меня маменькиным сынком".

В ее глазах промелькнул холодный взгляд, но затем он превратился в чистую привязанность. Она притянула Саймона к себе и обняла его за грудь, шепча ему на ухо. "Нет ничего плохого в том, чтобы быть таким. Это просто показывает, как сильно я тебя люблю".

"Мммм", - Саймон попытался вывернуться из ее объятий. "Он также сказал, что я не должен купаться с мамой".

Саймон струсил, увидев красный блеск в глазах матери. Он видел это время от времени, в основном, когда звонил телефон или когда он говорил о чем-то плохом, что случилось. Он не собирался рассказывать ей о Бене, но чувствовал странное принуждение рассказать ей все.

Джулия молча встала, вода каскадом стекала с ее обнаженного тела. Она не стала вытираться полотенцем и вышла из ванной, Саймон шел следом. "Мамочка, куда ты идешь?"

Она, казалось, вышла из своего транса и наклонилась, поглаживая мокрые волосы Саймона своими тонкими руками. "Мамочке просто нужно срочно кое-что сделать, хорошо?"

Саймон кивнул, слишком напуганный, чтобы говорить. Он знал, что лучшим средством от "странного" состояния его матери было время. Она выпустит пар и снова станет матерью,

которую он любил.

Увидев, как Саймон ухмыляется, решимость Джулии укрепилась. Задним умом она понимала, что то, что она собирается сделать, практически кричит о том, что ее бывший директор и правительство ворвутся и прервут их мирную жизнь. Но... она не могла отпустить человека, который заставил ее драгоценного Саймона усомниться в их связи.

Она уделила немного времени, чтобы вытереть себя и Саймона, уложила его в постель и поцеловала на ночь. Видя, что он крепко спит, она надела пальто и отправилась в сторону дома Бена. Она уже запомнила адреса всех людей в школе Саймона на случай непредвиденных обстоятельств или ситуаций, подобных этой.

Той ночью пара была жестоко избита на глазах у своего ребенка.

Полиция была вызвана соседями, которые сообщили, что слышат крики, доносящиеся из соседнего дома. Приехав, они обнаружили женщину, сидящую в углу и курящую сигарету, в то время как ребенок истерически плакал на нижней ступеньке лестницы, где в кровавом месиве лежали два едва живых человека.

Одежда, зубы и кровь были разбросаны повсюду, и если бы не характерные ритмичные движения грудной клетки, офицеры решили бы, что это двойное убийство.

Джулию быстро арестовали, поскольку она была единственным невредимым человеком, офицеры быстро решили, что это она совершила убийство. Брошенная в патрульную машину, она сидела молча, размышляя о том, правильным ли было ее решение. Она не была уверена в связи этой семьи с правительством, но заметила несколько признаков, указывающих на это. Оба родителя слегка сопротивлялись, чего никто, кроме лучших агентов, не мог сделать в ее присутствии. Она планировала просто поговорить с ними, пусть и запугивая, но мысль о том, что ее бывшие коллеги могут попытаться ее в чем-то обвинить, ее не устраивала.

По этой причине она осталась позади. Если ее догадка верна, полиция все равно пришла бы за ней, и она не хотела, чтобы Саймон стал свидетелем ареста своей матери.

Подтверждая ее подозрения, полицейская машина привезла ее не в участок. Вместо этого они приехали на склад, и двое "офицеров" в машине сняли свою униформу, обнаружив под ней костюмы. Они вытащили ее из машины и усадили на металлический стул перед вмонтированным в стену темным экраном.

Ее руки были связаны, и она оставалась неподвижной. Если это был тот, о ком она думала, то, скорее всего, дюжина снайперов целилась прямо в ее жизненно важные органы. Даже она не смогла бы выйти из этого сценария живой.

Перед ней мелькнул экран, на котором появилось лицо человека, которого ей отчаянно хотелось ударить.

На лице ее бывшего директора было грустное выражение, но она слишком хорошо его знала, чтобы обманываться. Он начал рассказывать о предъявленных ей обвинениях и о том, как досадно, что она причинила вред офицерам того самого правительства, которому присягнула на верность. Она горько рассмеялась, прекрасно понимая, какой это фарс. "Просто переходите к делу". выплюнула она.

По телефону директор вздохнул. "Очень хорошо. На данный момент у вас есть два варианта. Либо отвечать по обвинению и никогда больше не видеть своего сына, либо работать на той работе, которую я предлагал вам все эти годы назад."

"Тюремным охранником?"

"Нет, мы хотим, чтобы вы были главным администратором небольшого эксперимента, который мы планируем".

"Объясни."

"Подробности излишни. Просто знай, что ты обладаешь полной юрисдикцией над всем этим и должна отчитываться перед Конгрессом раз в два месяца".

Она не знала, почему они так отчаянно хотели, чтобы она возглавила этот проект. Наверняка были более квалифицированные кандидаты, верно?

Она увидела, как директор сделал движение, чтобы закончить разговор, но остановила его. "У меня есть еще одно условие. Я не хочу, чтобы Саймон когда-либо узнал о моей настоящей работе. Если вы можете гарантировать, что он не узнает, я возглавлю ваш дурацкий проект".

"Никаких обещаний, но мы сделаем все возможное с нашей стороны. Повторяю, ваше сотрудничество будет должным образом отмечено".

После короткого разговора, окончательно согласовав условия, Джулия стала вновь назначенным директором женской тюрьмы ADX Nightingale. Из-за условий работы она стала проводить с Саймоном еще меньше времени. Это было лучше, чем ничего, но все же ей было неприятно видеть, как ее сын растет практически в одиночку.

Из-за нехватки времени она возвращалась домой из офиса, предоставленного правительством, поздно вечером. Не было времени ни на еду, ни на совместное купание, ни на общение матери с сыном. На несколько лет правительство предоставило ему няню, которая, по словам Джулии, должна была хорошо с ним обращаться, но к тринадцати годам эта няня исчезла.

Она хотела укрыть Саймона от этого мира политики и насилия, но он разрывал ее на части, заставляя смотреть, как он растет практически в одиночестве. Как бы она ни старалась, она просто не могла откровенно рассказать Саймону о своей работе. Хотя на бумаге все выглядело прекрасно, в этой работе были... сложности, о которых никогда не следует рассказывать ребенку.

Ласково поглаживая лицо своего прекрасного мальчика, в ее глазах появились редкие слезы, когда она пришла к решению. Она перенесет предоставленный ей кабинет в больницу, чтобы успокоить растущее любопытство мальчика, спрашивающего, почему его мать так поздно возвращается домой. Было бы проще, если бы сын считал ее больной, а не тайным организатором эксперимента, который потрясет мир, если когда-нибудь станет достоянием общественности.

Поэтому она использовала один из своих прежних навыков маскировки, чтобы стать больной женщиной, используя тяжелый макияж и диету, чтобы выглядеть хрупкой копией того, чем она когда-то была. Она сообщила новость о своей "болезни" на следующий день, и ее сердце разрывалось, когда она видела его опустошенное лицо. Но она закалила свою решимость, сказав себе, что ничего не поделаешь. Если бы он знал, кем была его мать, он мог бы даже возненавидеть ее за это. А она никогда бы этого не допустила.

После "госпитализации" она также не смогла объяснить, как возвращалась домой по ночам. К счастью, он по-прежнему проявлял инициативу, чтобы навестить ее, но по мере того, как он рос, увеличивалось и расстояние между каждым визитом. Ее сердце медленно замирало, возвращаясь в то состояние, в котором оно было до появления Саймона. И ее подчиненные заметили это, начав называть ее за спиной "королевой дьявола". Однако, какой бы холодной она ни была с коллегами или подчиненными, в присутствии сына она становилась не более чем любящим родителем.

Даже если она не могла быть рядом с ним 24 часа в сутки 7 дней в неделю, она все равно одержимо следила за каждым его шагом, когда у нее было свободное время. В одно и то же время за ним следили не менее пяти агентов, которые ежечасно докладывали о его самочувствии. В ее доме также было установлено несколько камер, которые она просматривала, работая в режиме многозадачности.

Благодаря этим камерам она узнала то, чего обычно не могла бы узнать. Например, как Саймон ворочался в своей кровати с глупой ухмылкой на лице, держа в руках фотографию девушки своего возраста. Или как он всегда застилал ее пустую постель и целовал холодную подушку перед сном. И вот так, издалека, Джулия наблюдала за тем, как Саймон живет своей повседневной жизнью, все это время "застряв" в больнице. Хотя это и не могло сравниться с реальностью, она должна была признать, что было приятно наблюдать за каждой частью его жизни.

Но эти моменты не будут длиться вечно. Однажды Саймон вернулся домой, и камера у дверной ручки запечатлела его удрученное выражение лица. Она была немного удивлена. По ее наблюдениям, он с нетерпением ждал этого дня, так как именно в этот день он должен был

признаться девушке, которая ему нравилась. Детка", - с грустью позвала она. Она погладила видеоизображение на своем телефоне и уже собиралась позвонить, когда услышала, что микрофоны уловили звук. Это был звук приглушенных рыданий. Переключая ракурсы, она нашла тот, что был в его спальне, где Саймон рыдал, уткнувшись в подушку.

Джулия сложила два и два и тут же скрежетнула зубами, ее сильные руки сжались в кулаки.

"Как она посмела заставить его плакать!"

Время, проведенное вдали от дома, превратило ее одержимость Саймоном в граничащее с безумием помешательство. И это безумие вскоре переросло в убийственную ярость ко всему, что угрожало Саймону.

При виде плачущего малыша Джулия взорвалась и приказала провести тщательное расследование событий того дня. Ее подчиненные разбежались по домам, допрашивая всех и их матерей, которые оказались поблизости от средней школы Саймона.

Они сочинили историю о том, как Саймон был отвергнут своей возлюбленной. Очевидно, когда он спросил ее, почему она отказала, она отвернулась и сказала, что ей не нравятся сироты. Он и школа знали об обстоятельствах жизни его родителей, но для Саймона это был первый раз, когда он задумался о том, что его мать может умереть от своей болезни. Его даже не слишком волновала неудавшаяся исповедь. Но он разрыдался, представив себе жизнь без матери.

Выключив прямую трансляцию с камер, она набрала номер на своем телефоне. Грубый голос ответил ей с явным уважением.

"Убейте Штайнов, оставив в живых только старшую дочь".

Ей было все равно, что то, что она делает, буквально безумие. Эта девушка заставила ее сына плакать. Это было... непростительно. Она назвала его сиротой, посмотрим, как она будет себя чувствовать, когда станет сиротой! Она даже не могла видеть его регулярно, а эта девушка имела честь общаться с ним пять дней в неделю и посмела назвать его сиротой? Жемчуг перед свиньями!

Саймон вернулся в школу с храбрым выражением лица, готовый к любым издевательствам и преследованиям. На что он ответил молчанием и страхом. Расспросив всех, он получил несколько коротких ответов о том, что девочка якобы перевелась за одну ночь.

Хотя он был озадачен тем, почему все выглядят такими нервными, он, по крайней мере, почувствовал облегчение от того, что его не дразнят. Поэтому он беспечно продолжал жить своей жизнью, не зная, что его мать убила родителей его возлюбленной.

Что привело нас к событиям первой главы.

Состояние его матери за эти годы ничуть не улучшилось, но Саймон спокойно зарабатывал себе на жизнь, чтобы содержать ее. Пока он переходил с работы на работу, Джулия волновалась.

Ей становилось все хуже и хуже от того, что она застряла на этой дурацкой должности директора. Эксперимент показался ей немного интересным, но ей было абсолютно все равно, лишь бы это не коснулось ни ее, ни Саймона.

Она нашла способ обойти всю эту "болезнь". Или, скорее, просто проигнорировала осложнения, связанные с тем, что ее застали спящей рядом с ним.

Она бросила попытки контролировать себя и прокрадывалась в их старый дом поздно ночью, пользуясь возможностью прижаться к нему под одеялом. Обычно она засыпала под тепло его спины, а ее отличный нюх и внутренние часы всегда будили ее раньше, чем он успевал заметить ее.

Хотя он и заметил некоторую влажность на задней стороне своей рубашки, он просто списал это на пот.

Джулия расхаживала по больничной палате, покусывая губу и читая последний отчет из тюрьмы. Прошло некоторое время с тех пор, как она в последний раз физически посещала ее, и, очевидно, уволился еще один охранник.

Набор кандидатов был... удручающим. Первым, кого она просмотрела, был какой-то толстяк с избыточным весом, утверждавший, что подает заявление, чтобы "получить мотивацию для собственного самосовершенствования". Они слышали слухи обо всех красавицах и хотели получить их в качестве мотивации? Проходите.

Она не стала читать остальные заявления и пошла дальше.

Она со стоном опустила последнее, проклиная отсутствие подходящих кандидатов. Ее мысли переместились на экран, где она увидела, что Саймон снова готовится к поиску работы, и в ее голове возник план.

Из всех своих "наблюдений" она знала, что Саймон все еще в поиске работы и все еще девственник. Она также знала его предпочтения (большегрудые милфы). Она начала размышлять, не стоит ли отменить правило, которое она установила некоторое время назад. В отличие от других мужчин, она могла присматривать за Саймоном и сказать старшему охраннику Таше, чтобы он тоже присматривал за ним.

Хотя ей было неприятно думать о том, что ее драгоценный сын может стать жертвой

сексуального насилия, она не могла отрицать, что женщины в тюрьме не были до смешного красивы. Они могли быть одними из самых грубых и жестоких женщин в мире, но она хотела только лучшего для своего сына.

Она отправила сообщение Таше, сообщив ей, что скоро прибудет новый охранник-мужчина. Она также сказала ей, что та должна постоянно присматривать за ним и предотвращать любые "опасные" стычки. Сексуальные отношения были в порядке вещей, но все, что могло бы вызвать физическую опасность для его тела, было бы абсолютно запрещено. Она обязательно предупредила ее, что лично казнит ее, если Саймону будет причинен какой-либо вред.

Отправив сообщение, она назначила Саймону собеседование, сказав нескольким агентам из своего подчинения пригласить его на работу, дав им точный сценарий, который, как она знала, привлечет его. Вскоре она увидела, как агенты подошли к одевающемуся Саймону, который, казалось, был в восторге от перспективы спасти и свое финансовое положение, и даже свою мать.

Она ласкала пикселированное изображение на экране и тихонько ворковала, видя, как сильно он все еще заботится о ней. Ей не нравилось, что приходится манипулировать им, но это было к лучшему. Да, это было к лучшему.

Он сразу же принял предложение о работе, и подготовка была закончена.

И к ее удивлению и легкому отчаянию, он потерял девственность уже на следующий день после приезда. Она почувствовала одновременно счастье от того, что ее сын наконец-то вырос, и досаду от того, что его лишил девственности какой-то незнакомец.

Она уже давно заметила, что ее чувства к сыну далеки от нормальных. Поэтому ей было все равно, она немного ерзала в кресле, наблюдая за тем, как они трахаются, словно животные, длинный и твердый ствол ее сына входит и выходит из женщины. Он выглядел таким милым, лежа в оцепенении. Как будто он был в шоке!

От его милого лица у нее задрожала нижняя половина тела, и она поднесла к ней длинный палец, медленно доставляя себе удовольствие, наблюдая, как ее сын становится мужчиной.

http://erolate.com/book/666/8639